

МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

ИИ

Конфессии народов Сибири
в XVII - начале XX веков:
развитие и взаимодействие

научные
доклады

Иркутский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

Межрегиональный институт общественных наук

Иркутский государственный университет

Конфессии народов Сибири

в XVII – начале XX вв.:

развитие и взаимодействие

Материалы Всероссийской научной конференции

(3-4 февраля 2005г.)

Иркутск

Анонс

2005

НЕПРАВОСЛАВНЫЕ КОНФЕССИИ

Б.С. Шостакович

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ИРКУТСКОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА И ПРИХОДА

История существования и развития римско-католической конфессии в Иркутске и регионе, связанном с ним административно-территориальной принадлежностью, стала изучаться и описываться лишь в сравнительно недавний период. Объективно оценивая сложившуюся историографию данной оригинальной, содержательной и важной в историко-культурном отношении темы, приходится констатировать отсутствие в опубликованных к настоящему времени работах сюжетной согласованности либо постановки четких и научно обоснованных целей. Также следует заключить, что история Иркутского римско-католического костела совершенно не осмыслена специалистами на должном системном научном уровне и излагается подчас лишь как несложный перечень отдельных исторических дат и событий¹.

Официальное название исторического здания иркутского католического храма - церковь (костел) Успения Богородицы в Иркутске. Он расположен по той стороне центральной площади Иркутска (современный сквер Кирова, прежняя Тихвинская площадь), что является естественным продолжением ул. Сухэ-Батора (в прошлом - ул. Тихвинской). В традиционном местном просторечии костел в Иркутске именуется словосочетанием - «Польский костел», довольно необычным из-за соединения в нем двух синонимичных значений. Поскольку польское слово «костел» уже само по себе обозначает «польский католический храм», словосочетание «польский костел» - представляет собою явную тавтологию. К тому же не следует забывать, что хотя поляки безусловно доминировали в среде прихожан иркутского католического храма, в ней можно отыскать также и представителей иных национальностей: литовцев, белорусов, украинцев, определенной части немцев, французов, итальянцев и т.д.

Данная статья является попыткой затронуть только начальный период сооружения и развития иркутского римско-католического костела наряду с параллельным процессом формирования вокруг указанного храма соответствующего прихода из более чем 180-летней истории. Рассматриваемая тема освещается на основе оригинальных, малоизученных источников. По целому ряду различных ее аспектов автором были выявлены неопубликованные материалы, которые дополнены сведениями из давно уже ставших библиографической редкостью печатных изданий, российских и польских.

На том месте, где сейчас в Иркутске находится каменное здание костела, начиная с первой четверти XIX в. располагалось деревянное, сгоревшее во время большого иркутского пожара 1879 г. Основные обстоятельства и этапы истории сооружения раннего храма в Иркутске и последующего его существования до сих пор не получили всестороннего освещения в русской-

зычной литературе, касающейся истории города. Документальные источники Госархива Иркутской области (ГАИО) восполняют этот пробел только частично.

Автору удалось установить, что рассматриваемый сюжет имеет оригинальное отражение также и в ряде иных документальных комплексов. К ним относятся материалы специального обсуждения в 1825 г. в Комитете министров Российской империи вопроса о создании и содержании католических церквей в главных центрах Западной и Восточной Сибири – Томске и Иркутске (они хранятся в Петербурге, в Российском государственном историческом архиве (РГИА), а также свидетельства по истории первой сибирской католической миссии (находятся в Польше, в Кракове, в архиве Малопольской провинции общества иезуитов)².

Краткая предыстория сооружения католического храма в Иркутске непосредственно связана с проникновением в Сибирь в первом десятилетии XIX в. священнослужителей католической конфессии – «первоначально для поселений, составляемых из ссыльных». В «Высочайше подтвержденном докладе» (от 29 июня 1806 г.) было даже постановлено, «чтобы люди, одну веру исповедующие, поселяемы были вместе»³.

В декабре того же года Сибирскому генерал-губернатору через МВД было дано «Высочайшее указание» о «назначении в сибирские губернии четырех католических священников из ордена доминиканцев, и о разработке правил по приличному там их содержанию». Однако на практике среди доминиканцев не было найдено для сибирского региона «таких ксендзов, которые могли бы с пользой для прихожан исполнять свою роль»⁴.

Тогда-то сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель (отец известного декабриста П.И. Пестеля), исходя из желания, «с одной стороны, основать это дело на прочной основе, с другой же, отыскать для включения в указанные миссии священников, известных своим образованием и готовностью полного посвящения себя общественному благу, пришел к выводу, что наиболее подходящим, надежным и удобным было бы избрание на эти вакантные должности самых достойных лиц из ордена иезуитов»⁵. «Вызывая в Сибирь монахов иезуитского ордена, он надеялся, что иезуиты будут там полезны для воспитания юношества, а также в политических сношениях с Китаем, где сей орден имеет своих миссионеров»⁶. Он же, касаясь вопроса о порядке наделения иезуитов земельными участками из казенного фонда для занятия земледелием и иных целей, высказывал следующие соображения: «Среди жителей Сибири надлежит развить умение обработки земли и хозяйствования в этой сфере... В Сибири множество земель, остающихся невозделанными и только ждущих рук, которые бы взялись за них. После же появления здесь иезуитов можно надеяться, что они извлекут из них собственную и общественную пользу»⁷.

В начале XIX столетия российские власти неоднократно пересматривали и корректировали вопрос о количественном составе католических миссий на территории Западной и Восточной Сибири. «В 1806 г. по Высочайше утвержденному штату для Иркутской и Томской губерний назначались три

римско-католических священника»: один – в Томскую губернию и в Иркутскую – двое⁸. В августе 1808 г. было утверждено штатное расписание для указанных духовных лиц вместе с полагавшейся им костельной прислугой. На ежегодное их содержание в Иркутской губернии выделялось из казны 1800 р., а в Томской – 750 р.⁹

После того как формирование католических миссий в Сибири было поручено администрацией отцам-иезуитам, выяснилось, что таковые «по своему уставу не могут исповедовать других, если не исповедуются сами». Результатом этого явилась необходимость назначения и в Томскую губернию, подобно Иркутской, – двоих священников, «чтобы и там они могли бы взаимно исполнять таинство церковного покаяния»¹⁰. Кроме того, сам генерал ордена иезуитов выдвинул условие, чтобы уже официально определенное число духовных лиц, направляемых из их ордена для несения службы в сибирский регион, было дополнено еще двумя священниками. По логике руководителя ордена, один из этих последних предназначался на случай смерти кого-либо из своих сотоварищей для безотлагательной прямой его замены. Другой же должен был исполнять обязанности викарного священника и готовиться к аналогичной замене в будущем, в случае очередной смерти среди своих братьев. Столь своеобразный способ обеспечения «непрерываемой преемственности» служения священников-иезуитов в Сибири был продиктован объективными реалиями тогдашней эпохи: крайне затяжным по затрачиваемому времени и тяжелым по осуществлению сообщением между Сибирью и весьма удаленными от нее центрами данного ордена на европейской территории¹¹. В итоге, по ходатайству И.Б. Пестеля, с 1811 г. взамен прежнего числа назначались шестеро католических священников-иезуитов с постоянным их пребыванием в городах Томске и Иркутске. Губернатор Пестель возбудил ходатайство «о построении для иезуитов церкви в Иркутске». Как отмечается в официальной переписке по данному поводу, «из 20289 душ поселенцев, водворенных в Иркутской губернии, находилось католиков в разных местах сих поселений не более 217-ти душ, считая и женский пол, и детей». Из последующих документальных материалов явствует, что сам состав сибирской католической диаспоры той поры был весьма далек от современного стереотипного суждения о нем. В 1815 г. генерал-губернатор Пестель уведомляет петербургское ведомство духовных дел иностранных исповеданий, что на тот момент католиков в Иркутской губернии насчитывается «238 человек взрослых» и состоят они «большею частью из сосланных на поселение цыган, и только немногие принадлежат к польской и другим нациям, жены же их, кроме цыган, все почти взятые в Сибири из старожилов, равно как и дети, там рожденные, содержат греко-российскую веру»¹³. Безусловно, перед будущими исследователями возникает задача устранить данное окутанное загадочностью «белое пятно» в истории Иркутской губернии, проследив историю появления отмеченной группы католиков из числа сосланных на поселение цыган, а также и последующую их судьбу в жизни католической общины региона.

Возбуждение И.Б. Пестелем перед центральными властями вопроса о сооружении католического храма в Иркутске привело к «сношению» по этому поводу министра Духовных дел и народного просвещения с Министерством внутренних дел. Однако последнее не сочло возможным выделить на указанную цель казенные средства по своему ведомству. Основными причинами отказа петербургских властей И.Б. Пестелю в представленном им запросе явилось, во-первых, весьма незначительное для функционирования самостоятельного католического храма число католиков, проживавших в рассматриваемую пору в регионе, административно подчиненном Иркутску¹⁴. Во-вторых, МВД подчеркивало тот довод, что и «для поселенцев Господствующей [то есть православной – *Б.Ш.*] веры, водворенных и водворяющихся в таком великом количестве, казна не могла построить церкви ни в одном поселении, ни содержать для них особых священников, кои для исправления треб наряжаются из селений старожилов»¹⁵.

Характерно, что рассмотренный выше период был непосредственно связан с реформаторскими идеями молодого российского императора Александра I. Именно воззрения самой «монаршей особы» и вызвали на непродолжительный срок усиление в русских правительственных кругах тенденций относительной конфессиональной либерализации и филокатолических настроений. В свою очередь, это дало толчок к росту общин поляков, немцев и других западноевропейцев, которые создавали католические приходы и храмы в различных центрах России, включая и Сибирь. Сложившаяся обстановка официального покровительства представителям католического исповедания на территории Российской империи сохранялась недолго. К началу 1820-х гг. она сменилась жестким и бескомпромиссным курсом, который в правительственных сферах вдохновлялся адептами традиционно-ортодоксальной доктрины русского царизма. Согласно последней, абсолютная самодержавная власть российских монархов рассматривалась как «органический оплот» истинной православной веры (в это определение включались также национальное политическое устройство, русская духовность и культура) против «разлагающего влияния» Запада и «латинства», то есть католицизма.

Именно с таких позиций отечественный исследователь истории иезуитов в России и одновременно православный священнослужитель расценил впоследствии их деятельность в Сибири. Он усмотрел в ней своеобразное прикрытие показными цивилизаторскими намерениями реальной прокатолической пропаганды в местной сибирской (в том числе и в инородческой) среде. По мнению указанного исследователя, для усиления своего влияния в Сибири иезуиты использовали то обстоятельство, что генерал-губернатор Пестель много лет «управлял Сибирью без всякого контроля», издали, из Петербурга, передоверив всю непосредственную местную власть печально известному иркутскому губернатору Трескину». Как весьма образно выразился тот же автор, «Пестелем из Сибири управлял иркутский губернатор Трескин». Наконец, согласно утверждению все того же обличителя «происков иезуитов», их «первою заботою» «было завести латинскую церковь в

Иркутске, чтобы сгруппировать около нее латинско-польский элемент сибирского народонаселения»¹⁶.

Таким образом, идея губернатора Пестеля о привлечении иезуитов к процессу духовного просвещения и прогресса Сибири осталась в своей основе неосуществленной. Как известно, в 1820 г. иезуиты оказались удалены из России, включая и Сибирь. В начале 1820-х гг. число католических священников, присланных в сибирский регион взамен удаленных иезуитов из монашеского ордена бернардинцев, было сохранено прежним. При этом уже через несколько лет Комитет министров отметил, что ни просветительных, ни дипломатических проявлений деятельности «нельзя ожидать от Бернардинов, кои и в самых Западных губерниях содержат только низшие училища для поляков и не имеют в своем ордене людей, отличающихся просвещением»¹⁷.

Из официальной переписки центральных и местных властей можно установить, что уже с 1808 г. в Иркутскую губернию, наряду с Томской, назначались католические священнослужители на основе штатного содержания, а с 1811 г. их число было даже увеличено до трех человек в Иркутске. При этом казной ежегодно отпускалась определенная сумма не только на их содержание (5250 р.), но и выделялось «500 р. на наем дома для римско-католических монахов в Иркутске» (как вначале на иезуитов, так и затем на бернардинцев)¹⁸. Этот нанимаемый частный дом (непосредственное его местоположение на карте города еще предстоит установить специалистам) выполнял функции временного католического храма (костела) в Иркутске. По свидетельству самих иркутских властей, в указанном доме священники, входившие в состав «католической миссии» в Иркутске, «отправляли богослужение»¹⁹. Отмечаемое обстоятельство имеет несомненную значимость хотя бы для существенной корректировки хронологии начала практики католического богослужения в Иркутске и регионе. Бытующее в литературе отождествление начальной фазы данного процесса с завершением сооружения специального здания католического храма (костела), безусловно, ошибочно. Эти различные по своей сути события расходятся и во времени почти на два десятилетия.

Вновь вопрос о сооружении католической церкви в Иркутске был поднят уже в 1825 г. тогдашним генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским. По его данным, к указанному времени число лиц католического вероисповедания в Иркутской губернии достигало «до 1400 душ» и все они «суть ссыльные, в разных местах поселенные». В самом же Иркутске, по информации Лавинского, католиков «состоит не более 120 душ»²⁰. Центральная царская администрация в вопросе о казенном финансировании сооружения католического храма в столице восточносибирского генерал-губернаторства придерживалась своей же прежней отрицательной позиции. Между тем на сооружение католического храма стали поступать довольно значительные частные пожертвования. Одним из главных меценатов в указанном строительстве явился граф Юлий Помпеевич Литта (1763–1839). Выходец из Италии, выдвинувшийся еще при Павле I деятель Мальтийского

ордена и крупный царский сановник, он вместе со своим братом, кардиналом и папским нунцием Лаврентием (Лоренцо) Литта, относился к ключевым фигурам в сфере католической деятельности в Российской империи²¹.

В ходе обсуждения данного вопроса в Комитете министров (в феврале 1825 г.) среди прочего упоминалось и любопытное предположение о том, «что устройство в Иркутске римско-католической церкви будет содействовать к привлечению туда людей сего исповедания с капиталами и полезною для того края промышленностью. В сих видах правительство устраивало церкви католические и лютеранские и содержит духовенство сих исповеданий в портовых городах»²².

Но в конечном счете Комитет министров сделал заключение о том, что он «не находит надобности добавлять какую-либо сумму от казны», поскольку «на построение в Иркутске Римско-Католической Церкви собрано уже добровольными приношениями 4 тыс. рублей и сверх того обещано Обер-Гофмейстером Графом Литта 10 тыс. рублей, коль скоро постройка Церкви будет там начата». Комитет полагал целесообразным «предоставить Главному управляющему духовными делами иностранных исповеданий выбрать для сей Церкви небольшой план и фасад, так, чтобы постройка оной стоила не дороже 16 или 18 тыс. р., и тогда разрешить приступить» к ее осуществлению. Тогда же было сокращено и число католических священников: в Иркутске до двух с двумя причетниками, а в Томске соответственно – до одного с одним²³.

Между тем, как сообщал в МВД 10 августа 1825 г. генерал-губернатор Лавинский, в Иркутске уже «с начала весны сего года» осуществлялось строительство католического храма под названием, сформулированным совершенно немисливо с точки зрения христианского богословия – «во имя Вознесения Божией Матери» («Niebowzięcia Najświętszej Panny») [так дословно значится в оригинале документа; впоследствии его некритично повторил и ряд уже современных историков - Б.Ш.]²⁴ «соответственно преднамерению жертвователей». Согласно цитируемому документу, к началу августа 1825 г. постройка была «возведена уже до кровли», а к концу сентября того же года должна была оказаться «в наружном виде совершенно отделана»²⁵. «И как со стороны казны в пособии на сию постройку отказано, - отмечал генерал-губернатор Лавинский, - теперь для приведения оной к окончанию во всех частях, особенно же во внутреннем украшении и для приобретения необходимой для церкви утвари остается одно средство: убедить жертвователей сделать еще некоторые приношения, от которых без сомнения они и не откажутся, зная, что желание их исполнится в точности». Исходя из сказанного, генерал-губернатор ходатайствовал об утверждении уже осуществляющегося плана строительства храма без каких-либо изменений. С доводами Лавинского согласился тогдашний Главному управляющий делами иностранных исповеданий и Министр народного просвещения А.С. Шишков, «не нашедший ни повода, ни возможности останавливать достройку оной церкви»²⁶.

Так выглядит в отражении документов начало сооружения римско-католического костела в Иркутске. По приблизительным данным, приведенным в тех же источниках, стоимость строительства по проекту жертвователей составляла «не менее 25.000 р., кроме 3000 р. ...на покупку избранного для сей Церкви приличного места, принадлежащего ныне частным лицам»²⁷. Уже цитировавшийся нами обширный отечественный труд об иезуитах в России является едва ли не первой печатной монографией, где приводятся довольно конкретные сведения, касающиеся иркутского костела по официальным источникам из архива римско-католической коллегии. Как пишет автор упомянутого сочинения, «построена была на городской площади во имя Успения Богородицы особенная для латинских жителей Иркутска церковь. Место для церкви куплено было у иркутского купца Зубова и мещан Сухановых»²⁸. Церковь с пристроенными к ней с обеих сторон флигелями для квартир священников, имеет квадратную фигуру и занимает 64 квадратных сажени. Фундамент под церковью и кельями каменный, а стены деревянные, обитые досками. Образ Успения Божией Матери с вызолоченными рамами пожертвован графом Литтою»²⁹. Таким образом, католический храм в Иркутске, сооружавшийся по «доставленным от графа Литта» «плану и фасаду, начертанным частными лицами, добровольно жертвовавшими на таковое построение»³⁰, был деревянным, на каменном фундаменте, с портиком главного фасада, выдержанным в стиле классицизма.

Документально засвидетельствованы произведенные в 1836-1837 гг. «необходимые исправления» костельного здания, «переноска флигеля и постройка деревянных бани и вновь предполагаемых служб». После переписки по этому поводу с «основателем церкви» графом Ю.П. Литта последний передал в мае 1837 г. 2300 рублей на «окончательную уплату по контракту» за совершение указанных строительных работ³¹.

Описавший свое пребывание в Иркутске на рубеже 1830-1840-х гг. польский политссыльный Ю. Ручиньский коснулся при этом и впечатления о костеле. «Небольшой деревянный костел содержался неплохо, - свидетельствует мемуарист. - Учредителем его был граф Литта... Он оставил фонд, которым костел содержится до сих пор. По обе стороны большого алтаря есть двери, ведущие, подумал бы каждый, в ризницу, в то время как они ведут прямо в квартиры и комнаты ксендзов. Это вещь неуместная, но в Сибири нельзя требовать многого»³².

Исчерпывающее представление о возведенном в 1825 г. деревянном здании римско-католического костела и о вносимых в его первоначальный облик последующих архитектурно-строительных изменениях, дает весьма содержательный документ, составленный 30 лет спустя новым настоятелем костела (к исполнению обязанностей в данной должности он приступил в октябре 1855 г. и был официально утвержден в этом звании в июле 1856 г.)³³, отцом Кшиштофом (иногда в руссифицированной форме его имя подавалось в форме Христофор) Швермицким (в более редких случаях фамилия его писалась и через букву «н»). В так называемом «Донесении» К. Швермицкого в Могилевскую римско-католическую духовную консисторию (от 10 декабря

1856 г.) подробно освещается содержание осуществленных усилиями этого настоятеля в указанном году капитального ремонта и частичной перестройки существенно обветшавшего деревянного строения храма.

Из упомянутого «Донесения» К. Швермицкого следует, что в рассматриваемый период было «произведено главнейшим образом следующее:

1-е. Внутренность церкви увеличена в длину на третью часть прежнего своего пространства. Это достигнуто следующим образом: стена, отделяющая церковь от сеней, над которыми расположены хоры, вырублена, а прежние сени соединены теперь с церковью, отделяясь теперь от главного пространства колоннами, поддерживающими хоры; взамен же уничтоженных таким образом сеней, открытый портик перед главным входом забран новым срубом; чрез что образовались новые закрытые сени с лестницею на хоры.

2-е. Церковное здание (состоящее из церкви в два света, с пристроенными с обеих длинных сторон кельями в один этаж) было до сих пор обшито досками, каковая обшивка приходила в совершенную ветхость; ныне же все здание выштукатурено и заново в несколько раз отбелено; карнизы, а на главном фасаде пилястры, фронтоны и другие украшения отделаны алебастром. Сверх того, главный фронтоны украшен новым резной работы вызолоченным сиянием, главные двери украшены наличниками и над ними помещено бронзовое итальянской работы распятие, а между фронтоном и дверью в плоской нише на главной стене будет помещена надпись: «Бог - наша защита и сила»³⁴. Крыша на церковном здании перекрыта заново, над главным фронтоном поставлен новый деревянный обшитый белой жестью крест, а над алтарем вновь сооружена маленькая колокольня с крестом над оною».

3-е. Во всем церковном здании (закл[ю]ча[ющ]ем в себе церковь и 8 комнат)» возобновлена внутренняя штукатурка.

«4-е. В самой церкви, которая до сих пор была холодна и не отапливалась, сделан черный пол и устроены голландские печи, отапливающие совершенно церковь даже в 30-ти градусные морозы. Старые печи в комнатах все переделаны».

Далее перечислялись многие иные частные ремонтные операции и обновления в Иркутском костеле: переборка полов и потолков во всем здании церкви, обновление баллюстрад перед алтарем и на хорах, снабжение всех дверей, окон и печей в здании «новыми медными приборами», отделка заново всех лепных и столярной работы украшений храма, обивка всего пола до пресвитерии зеленым сукном, а в пресвитерии – красным. Наконец, говорилось о том, что «все образа и рамы исправлены, отчищены и вновь покрыты лаком; старый существующий доселе алтарь – по возможности отчищен... и поставлен лишь на время; к празднику же Воскресения Христова будет готов новый, заказанный по распоряжению Комитета [учрежденного при Иркутской римско-католической церкви – *Б.Ш.*]³⁵ алтарь с позолотою и краскою».

«Таким образом, – подытоживал сам К. Швермицкий свой отчет о перестройке костела, – церковное здание, упадавшее с каждым днем от крайней ветхости, вновь возобновлено, и теперь прихожане посещают теплую, чистую и просто, но со вкусом отделанную церковь, а я, с своей стороны,

возношу теплые моления ко Всемогущему творцу, да продлит он благоденствие сей церкви на многие лета». 25 ноября 1856 г. состоялось «открытие вновь возобновленной церкви и первое в оной отправление богослужения», совершенное К. Швермицким «в ассистенции трех проживающих в Иркутске священников» и в присутствии «исправляющего должность Генерал-губернатора Восточной Сибири» К.-Б.К. фон Венцеля, «Начальника Иркутской губернии» П.И. Какуева и «многих почетных должностных лиц»³⁶.

О дальнейшей эволюции деревянного здания Иркутского костела свидетельствует большая корреспонденция, в ноябре 1869 г. собственноручно направленная ксендзом К. Швермицким из Иркутска в выходивший на польском языке журнал «Католическое обозрение» и опубликованная в нем. Отметим лишь несколько его фрагментов, касающихся состояния здания храма. «Деревянный иркутский костел, построенный в 1825 г., оштукатуренный внутри и снаружи только в 1856 г., кроме одного большого алтаря, очень простой и грубой структуры и нескольких живописных полотен, также грубого письма, никакими иными украшениями не обладал; поэтому интерьер костела выглядел слишком бедно и, более того, не эстетично.

Только в прошлом [1868 – *Б.Ш.*] году по моей инициативе и при помощи вдовьей лепты бедных иркутских прихожан, весь интерьер костела был прекрасно переделан, ибо был поставлен совершенно новый большой алтарь во вновь пристроенном на 2 сажени пресвитерии, ... и два боковых алтаря во вновь устроенных часовенках в костельных стенах. Большой алтарь из дерева, целиком резной, ажурный и около него при решетках пресвитерия той же самой работы две исповедальни, окрашенные белым, безо всякой позолоты, издали выглядят как алебастровые и представляют прекрасный, чисто готический стиль. Боковые же алтари, также в готическом стиле, частично изготовленные из гипса и деревянных ажурных резных украшений, весьма красиво смотрятся в нашем костелике...

Проект алтаря и всех костельных украшений создал архитектор, г. Валерьян Куликовский, родом из Ковна, который со знанием искусства и с истинным пристрастием художника сам наблюдал за исполнением всех мельчайших подробностей, включаемых в костельное украшение, между прочим добавлю, безо всякого вознаграждения... пусть будет нам позволено высказать ему публично наше искреннее «Вознагради его, Господь!». Молодой же человек г. Войчех Копэрский, родом из Варшавы, столяр по профессии, старательно и добросовестно выполнил в своей столярной мастерской все резные работы вокруг алтаря к полному удовлетворению знатоков; - помогай ему, Бог!»³⁷

Исследователям еще предстоит уточнить вопрос о роли в сооружении того же алтаря ссыльного за патриотическую деятельность начала 1860-х гг. варшавянина Игнацы Эйхмиллера (казнен в ноябре 1872 г. в Иркутске за пощечину генерал-губернатору Н.П.Синельникову в ответ на его оскорбления), как засвидетельствовано это в мемуарно-биографическом очерке о нем Б. Дыбовского, выдающегося польского ученого, исследователя Байкала, ссыльного участника восстания 1863 г.³⁸

В упомянутом и, очевидно, мало уже изменявшемся виде костел существовал на протяжении последующих 11-ти лет, то есть до того момента, когда в Иркутске произошли печально известные пожары 22 и 24 июня 1879 г.

1. Здесь за неимением места не приводится отдельного перечня характеризуемых в целом работ. Первыми работами самого автора очерка, затрагивающими освещаемую тему, были следующие: Шостакович Б., Ячменев Е. Польский костел // Вост.-Сиб. Правда. 1988. 5 ноября; Шостакович Б.С. Памятники и памятные места Иркутска, связанные с политической ссылкой 1830–1880-х гг. // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С.166-170; он же. История поляков в Сибири (XVII-XIX вв.). Иркутск, 1995. С.18-19, 49, 70-72 и др.
 2. Местонахождение упомянутых материалов: Российский Государственный Исторический архив (Далее, в сокращ.: РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2014; Archiwum Prowincji Małopolskiej Towarzystwa Jezuitów. Kraków. (Далее, в сокращ.: Arch. PMTJez). Rkp. 1027-XIV. В последующем контексте данного очерка они будут рассмотрены в нескольких более конкретных аспектах.
 3. РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.1об.-2.
 4. См: Arch. PMTJez. Rkp. 1027-XIV. К.1.
 5. См: Ibid. К.2.
 6. РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.1об.-2.
 7. См: Arch. PMTJez. Rkp. 1027-XIV. К. 9–10.
 8. РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.1об.
 9. Arch. PMTJez. Rkp. 1027-XIV. К.1–2.
 10. См.: Ibid. К.3.
 11. См.: Ibid. К.2–4.
 12. См.: РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.1об.–2.
 13. Там же. Л.2об.
 14. Там же. Л.3.
 15. Там же. Л.3.
 16. См.: Морошкин М. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. Ч.2. СПб., 1870. С.438–441.
 17. РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.4.
 18. Там же. Л.2.
 19. Там же. Л.1.
 20. Там же. Л.1–1об.
 21. См.: Новый энциклопедический словарь. Т.24. Пг.: Изд. Акц. О-ва «Издательск. дело бывш. Брокгауз-Ефрон», 1915. Стб.703.
 22. РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.3об.
 23. Там же. Л.5–5об.; 4–4об.
 24. Там же. Л.13. Подобная формулировка по сути своей некорректна. В чисто каноническом христианском толковании нельзя вести речь о Вознесении Матери Божией, а только лишь об ее Успении. Мы можем предположить, что недоразумение породил ошибочный перевод кем-то из чиновников канцелярии Иркутского генерал-губернатора польского словосочетания, буквально означающего: «Успение Пресвятой Девы» [Богородицы - Б.Ш.], которое приведено в примечании к цитируемому фрагменту документа в неточной орфографии.
- Данный вопрос оказывается неверно истолкованным с точки зрения общепринятых христианских представлений. В недавно опубликованной статье об Иркутском костеле представлена еще более запутанная, явно ошибочная версия, будто бы в 1825 г. костел был выстроен «во имя Вознесения Божией Матери», а современное «официальное наименова-

- ние всему храму» – «дал Главный алтарь, посвященный Успению Божией Матери». См.: Галеткина Н. Иркутский костел // Земля Иркутская. 1995. №4. С.48, 50.
25. Там же. Л.13–13об.
26. Там же. Л.13об.–14об., 19–19об., 20.
27. Там же. Л.1об.
28. В публикации, содержащей небезынтересные фактические данные, говорится о приобретении земельного участка под костел в два приема – по доверенности коллежского советника Харлампия Сухих и дочери его Глафиры и у иркутского мещанина Григория Яковлева-Суворова (Натяганов Н. Глава из каменной летописи Иркутска // Вост-Сиб. Правда. 1991. 13 апреля. С.9).
29. Морошкин М. Указ. соч. Ч.2. С.441–442 (Примеч. 1).
30. См.: РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.2014. Л.14–14об., 15об.
31. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.297. Оп.1. Д.5. Л.25–26об.
32. Ruciński J. Konarszczyk. 1838–1878. Pamiętniki zesłania na Sybir. Lwów, 1895. S.62.
33. См.: ГАИО. Ф.297. Оп.1. Д.9. Л.175–176об.
34. В оригинале эта фраза приведена по-польски.
35. Полное название этого коллегиального выборного органа управления при католической общине, в повседневной практике сокращенно именовавшегося «Комитетом», далее специально не оговаривается.
36. ГАИО. Ф.297. Оп.1. Д.21. Л.25-26об. Карл-Бернград Карлович фон Венцель, являясь начальником штаба войск Восточной Сибири и председательствующим Главного управления Восточной Сибири, во время отлучек генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева исполнял его должностные обязанности. Павел Иванович Какуев, являвшийся председателем Иркутской казенной палаты, в 1856 г. временно управлял Иркутской губернией.
37. Z Irkucka // Przegląd Katolicki. 1870. Nr.10. S.153. За указание цитируемого материала автор выражает признательность своему польскому коллеге и другу, историку-исследователю, д-ру Яну Трынковскому.
38. Dybowski B. Ignacy Eichmiller // Dybowski B., Dr. O Syberji i Kamczatce. Lwów, 1899. S.45.